

Альвера Албул

То, что скрывается
в темных переулках 3

16+

Альвера Албул

**То, что скрывается в
темных переулках. III часть**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Албул А.

То, что скрывается в темных переулках. III часть / А. Албул —
«ЛитРес: Самиздат», 2012

Неприятное и разрушающее прошлое навалилось на Хлою Вэйд, от которого она так пыталась бежать, направив всю свою энергию на решение проблем со знакомыми оборотнями, но только теперь она узнает, что ее прошлое всегда было на шаг впереди. Когда же весь этот кошмар закончится? Обложка была оформлена с помощью сайта Canva.

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	23
5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1

Прошла неделя после того, как мы дали показания в ОСЭ, когда нас с Юлом снова туда пригласили.

Моему разочарованию тогда не было предела. Меня, Демьяна и Ника посадили в один общий кабинет. Юлия и Константин сели перед нами со страшно серьезными лицами.

– По требованиям центрального отдела, – начинает твердым, почти металлическим голосом говорить мужчина.

– Вы втроем обязаны забыть о происшедшем в Черном Лотосе, – говорила дальше девушка.

– И не распространять вам известную информацию о преступном клане, – заканчивает мужчина.

В этот момент в кабинет открылась деревянная резная красная дверь, и в нее вошел этгем достаточно зрелого возраста. Ему было около шестидесяти лет. Костюм в отличие от его коллег был черным, а из кармашка выглядывал белый сложенный платок. Он был полноценным оборотнем, поэтому изучал мир двумя черными озерами и излучал неприятный запах псины, пусть пытался заглушить его огромным количеством туалетной воды. На его макушке была небольшая лысина.

– Господин Николай Зеркалов, госпожа Хлоя Вэйд и господин Демьян Уайт, – голос мужчины оказался хриплым, – меня зовут Дориан Дартс.

Я поняла, что здесь он самый главный, и этгемы только пешки в его руках. В этот же момент я заметила поднявшихся с мест Юлия и Константина, это доказывает, что я права.

– Здравствуйтесь, – выдавила я из себя ответ господину Дартсу.

– Дело "Черный лотос" закрыто, – он проигнорировал меня, – знаю, вам сказали, но я, – он прошел мимо нас и присел через стул от Демьяна, – хочу вас предупредить – за распространение информации об этом происшествии и о возможности причастности к этому определенных существ вам всем будет грозить уголовная ответственность.

Внутри меня все сжалось.

Это угроза, угроза чистой воды и намек, что они будут следить за нами, за каждым нашим словом, и я знаю, кто вызывает у них больший интерес. Тот, с кого все началось, и это я. Именно поэтому господин Дартс смотрел мне прямо в глаза. Я не уводила свой – пусть знает, что я не боюсь.

Нас отпустили, и по дороге домой я все рассказывала Юлу.

Глава объяснил, что Феликс О'Мара не последнее существо в городе, поэтому парой купюр он купил этгемов. Его невеста Гелла Хард дочь местного прокурора, поэтому все действия юной оборотня могли оставаться безнаказанными.

Дело "Черного лотоса" было закрыто.

Гром, как и обещал увез меня, Яста и Ли к своей маме.

Ник и Ория временно снова не вместе.

Я стояла на мосту. Входило солнце. Прошло достаточно времени, и я не боялась его лучей. Свет вынырнул из-за горизонта, и яркая вспышка озарила все вокруг. Небо не было привычного цвета для рассвета. Оно было холодное, голубое и казалось прозрачным, как и тонкий слой льда реки Холода.

Как жаль, что я одна в такой момент. Ранний рассвет, и Яст еще спит.

Гром и Ли прятались под мостом. Бедняжки, им ведь так не ощутить всю красоту рассвета.

Я пошевелилась, так как тело устало стоять в одном положении, и ноги стало неприятно «колоть». Дунул ледяной ветер, и по моей спине пробежались мурашки.

Было очень холодно, и я решила вернуться в дом. До него было недалеко, но я все равно решила сократить путь.

Мост был длинный, высокий. Мимо меня пролетали машины.

Я сошла с моста через шестнадцать минут, солнце к тому времени уже полностью показалось над горизонтом. Я шла по неширокой улице всего с двумя полосами движения. Солнце играло со стеклами в окнах домов, что стояли вдоль улицы. Это были аккуратненькие частные домики с оградкой и гномиками в саду. Это место казалось сказочным и радужным.

Я сошла с улицы и, протиснувшись между домами, точнее между двумя заборчиками, оказалась на входе в местный лесок. Конечно, я осталась в целости и сохранности, но забор не хотел так просто меня пропускать и оставил дырку в куртке, из которой моментально выплянул синтепон.

Это была новая куртка.

Я прошла между деревьями. В отличие от района города, где я живу, здесь растут ели. Я же привыкла к обыкновенным лиственным деревьям: березы, тополя, клены, дубы, рябины.

Ели доставали до небес. Своими острыми верхушками они кололи небо. То было глубоким, высоким и прозрачным. Я впервые была в таком лесу, и он казался мне волшебным. Снег под ногами хрустел, и он был в некоторых местах засыпан иголками. Воздух было приятно вдыхать, он пах смолой и холодом. Ели не такие тонкие, как березы, они были с широкими стволами. Пушистые размашистые ветви свисали с высоты моего роста и выше. Я шла, наслаждаясь тишиной и покоем. Этот лес казался пустым. Зная, что меня никто не услышит и не увидит, я кружила между деревьями, удивляясь сверхъестественности этого леса. Я и не заметила, как начала напевать слова песни *be like that* группы *3 doors down*. В этот момент я поняла, что не хватает запаха кожуры мандаринов и пахло бы Громом. Удивительно, его родные места пахнут также, как и его вампирская кровь.

Я дошла до припева. К тому моменту меня захлебнули эмоции и, подпрыгивая, я помчалась по лесу. Мне всегда нравилось то, как я пою. На бегу петь было тяжелее, поэтому вскоре я остановилась и, прижавшись к стволу ели, осела на снег.

Иногда так классно оставаться одной, когда можно расслабиться, петь и наслаждаться красотой окружающей природы. И не бояться, что в любой момент может оказаться рядом какой-нибудь критик, что сразу же поспешит оценить мое пение как отвратительное.

Такое бывало, стоило запеть мне в классе при всех, сразу же появлялся умник, который моментально высказывал свое мнение, что мне лучше не петь. Я не обижалась и не принимала близко к сердцу, так как кому действительно не стоит петь, так это самому критику, потому что кроме как критиковать других он ничего не умеет. А я же ходила на вокал со второго класса до седьмого. И у меня есть и слух, и голос. В отличие от некоторых.

Песня закончилась, и я поднялась со снега.

Пятая точка замерла.

Засунув руки в карманы, я решила выйти из леса, ведь судя по направлению, я должна была оказаться возле дома Громовой Ларисы Петровны. Я прошла между деревьями, но моим глазам открылся совершенно другой обзор. Домами и не пахло. Я стояла на небольшом выступе, внизу которого плескалась река Холод. В дали виднелось ее устье, и как она впадает в океан.

Я тяжело вздохнула, очередной раз, понимая, что приключения любят мою пятую точку. Да что уж там! Я каждый раз нахожу проблемы на свою жопу.

Я развернулась на каблуках и стала вглядываться в лес, пытаясь понять, откуда я пришла.

Чертовы *3 doors down*! Все из-за них!

В этот же момент я вспомнила про свой телефон. Я вернулась обратно на выступ, и достала средство сотовой связи из кармана куртки. В этот же момент я глянула на плещущую воду реки. Мое внимание привлекли две фигуры, они были далеко от меня, но узнать их мне помог ветер. Он ударил в меня со стороны реки, и я ощутила уже знакомый запах. Феликс и Гелла шли вдоль реки, взявшись за руки. Оба выглядели уставшими и замученными. Гелла что-то пыталась объяснить своему жениху, тот усердно качал головой, словно не хотел ее слушать. Они остановились, Гелла обняла его, и наши взгляды встретились.

Я не стала убегать, я смотрела на них сверху и ощущала странную силу.

Что у них случилось, что они такие печальные?

Я обратила свое внимание снова на телефон, словно Геллы и Феликса не существует, краем глаза все равно наблюдая за ними. Гелла отпустила Феликса, и тот глянул на меня через плечо. Ветер дул мне в лицо, они не чувствовали моего запаха, а, следовательно, не догадывались кто я. Расстояние между нами было слишком большое, чтобы они смогли разглядеть меня. Поэтому двоя просто смотрели на меня.

Я видела, что Гелла что-то говорит Феликсу.

Сила Юла во мне уже почти растворилась, но я могла, если постараюсь, услышать их.

Я листала меню телефона, только чтобы они сочли, что я чем-то занята и не обращаю на них внимания, но при этом всю силу заставила прилить к ушам. Она не казалась тяжелой и непослушной, которую мне бы пришлось, как огромный камень перекачивать к ушам, но силы Юла почти покинули меня, и я становилась слабой, как и все вампиры половинки.

– Интересно, что это за девчонка? И что она тут забыла? – спросила Гелла. Мне было сложно разобрать слова, мешал шум реки, но помогал ветер, что доносил до моих ушей звуки голоса девушки.

– Интересно, человек ли она? – проигнорировал интерес своей невесты Феликс. – Эта часть реки принадлежит оборотням! Она не умеет читать указатели!?

Я рефлекторно глянула через плечо в лес. Какие указатели!?

Я вернула взгляд обратно к телефону, надеясь, что мое поведение не выдало меня с головой. В конце концов, подслушивать не красиво.

– Наверяд ли она сумасшедшая человеческая девочка, они боятся сюда заходить, – судя по колебанию звука, Гелла покачала головой.

– Все равно, тебе-то не знать, я не люблю гостей, – ответил Феликс.

– И что ты предлагаешь? – голос Геллы уплыл вдаль, и мне пришлось напрячь слух еще сильнее, так что даже телефон пропал перед глазами, видимо она шепнула.

– Убивать сейчас кого-либо опасно, этгеми сказали, что чья-либо смерть сейчас может привлечь больший интерес. А там от раскопок не откупишься.

Я довольно фыркнула, отключив свой удивительно чуткий слух.

Значит, я могу сейчас вести себя, как сочтет нужным моя бесстрашная пятая точка. Опасность ей все равно не угрожает.

Я все же набрала телефон своего брата и друга. Хотелось выбрать из леса, и я замерзла.

– Слушаю, Хлоя, – раздался голос Грома.

– Я в лесу потерялась, – виновно произнесла я, понимая, сколько неудобств приношу.

– И где ты сейчас?

– Стою на краю леса, там, где невысокий выступ, а под ним хлещется река Холод, что принадлежит оборотням, – ответила я.

– Ну и молодец! – выдохнул Гром, в голосе я услышала иронию. – Ладно, уходи с того места обратно в лес и говори, что видишь.

Я так и сделала.

– Ели, Гром, – ответила я, – вокруг сплошной ели.

– Рядом где-нибудь есть тоненькая молоденькая ель? – Гром.

– Нет, – ответила я.

– А ель с отрубленными нижними ветвями?

– Есть, – ответила я, увидев рядом с собой перерубленную беднягу.

– Она справа или слева?

– Справа, – ответила я.

– Тогда иди влево по краю леса, скажи, как увидишь тоненькую молодую ель, – сказал Гром, и я сдвинулась с места.

Я шла так минут десять, все время отвечая Грому, что до этой юной ели я еще не дошла.

– О! Гром, я возле нее! – вдруг неожиданно сказала я в трубку, что даже Гром от неожиданности вскрикнул.

– Вот зря ты меня и Ли не дождалась, не терялась бы в лесах, – выдохнул парень, – ладно, от этой ели иди теперь вглубь леса. Поняла? Ровно по этой линии вглубь леса!

– Поняла, – ответила я, и направилась в заданном направлении.

Я шла так минут пять, как вдруг передо мной появилась, возможно, самая старая ель в этом лесу. Она была выше всех, ее ствол был как восемь меня шириной.

– Гром, – выдохнула я, – я возле самой огромной ели.

– Можешь поставить галочку у себя в списке путешественницы, сейчас ты стоишь у самой старой и большой ели в мире. Теперь надеюсь, ты больше в этот лес не полезешь.

– Ну, надейся, – я пожала плечами, и Гром устало выдохнул.

– Ладно, теперь от этой ели иди налево до упора из леса.

Я не стала отключаться, и направилась из леса. Вскоре между деревьями стали появляться просветы. Я ускорила шаг и оказалась на заднем дворе дома госпожи Громовой.

Там меня ждал Гром под козырьком черного выхода. Увидев меня, он убрал телефон от уха в карман черных джинсов.

– Привет, – я улыбнулась, оказавшись рядом с ним.

– Что ж тебя в лес потянуло? – устало спросил Гром.

– Он меня привлек, – я пожала плечами.

– Не ходи туда больше, – попросил Гром.

– А откуда ты так хорошо знаешь лес? – вдруг меня осенило.

– Я обошел его вдоль и поперек и не один раз, когда был ребенком и жил с мамой, – ответил он.

– Хлоюшка, – раздалось из дома, – ты не голодна? У меня есть оладушки!

– Иди, отвлеки ее, пожалуйста, – попросил Гром.

– А что так? – я слегка прищурилась.

– Ну не курить же мне у мамы на глазах!? Ругать начнет, – ответил Гром.

– Ну ладно, – я прошла в дом.

Внутри меня ждала Лариса Петровна. Это была женщина лет пятидесяти немного ниже меня. Ее каштановые волосы были коротко подстрижены и заворачивались крупными кудрями. Она достаточно ярко красилась, но это не казалось вызывающе. Свои карие глаза она подводила голубым карандашом для глаз, а губы красила бордовой помадой. Щеки (она считала их недостаточно румяными) она обильно красила розовым. В одежде она была проста: брюки, юбки (чаще всего темных цветов) и блузки (светлые, почти прозрачные).

– Доброе утро, Лариса Петровна, – поздоровалась я.

– Доброе, худышка. Пойдем со мной на кухню, что ты хочешь поесть?

– Все что угодно, все, что можно съесть, – ответила я, и женщина, широко улыбнувшись, повела меня на кухню.

На кухне она моментально стала заставлять стол человеческими вкусностями. Это были и оладья, блины, множество салатов из овощей, котлеты, вареный картофель с укропом и два

супа (гороховый и грибной). Я сразу поняла, что хочу поесть. Мне не хватало только светлого пива.

– Я буду только картофель, – я пододвинула к себе тарелку.

– Кушай, а потом, может, еще что-нибудь захочешь, – Лариса Петровна погладила меня по голове, – как хорошо, что у моего сына будет такая хорошая сестра.

– Сестра? – я подняла на нее глаза.

– Да, Деня уже сказал мне, что входит в ваш клан, – улыбнулась Лариса Петровна, а потом чуть прищурилась и стала говорить тише, – а с этой японкой он уже давно вместе?

– Да, – я слегка рассеянно кивнула, пытаюсь понять, к чему она клонит, – а что?

– Да ничего-ничего, ты кушай, – Лариса Петровна снова заулыбалась.

– Она Вам не нравится? – тихо спросила я, и женщина перестала улыбаться.

– Честно говоря, рядом с ним я представляла другую девушку, славянской внешности, скорее даже блондинку, чем с такой вызывающей красной копной волос, – женщина задумчиво глянула на меня и медленно пожала плечами, – хотела, чтобы его девушка была искренней и настоящей. А эта Ли кажется мне... такой вычурной.

Я молча пожала плечами.

Я не знала, что можно было бы сказать.

– Доброе утро, – на кухне появился Яст.

Я подавилась картошкой.

– Доброе, – Лариса Петровна улыбнулась парню, – ты, наверное, голоден?

– Да, я б съел слона. Наверное, так влияет чистый воздух окраины, – Яст кивнул.

Парень стоял в брюках чинос с голым торсом. Он светло улыбался и казался идеальным. Красивым. С замечательным телом, от которого было сложно увести взгляд. Его лицо озаряла светлая улыбка, глаза горели. Я медленно перевела взгляд на себя.

М-да...

Моя порванная куртка осталась висеть на гвоздике возле черного входа. На меня были затертые старые багги и рубашка-поло темно-зеленного цвета. Волосы еще со вчерашнего вечера были убраны в непонятно что, и ясное дело, это непонятно что успело истрепаться. Выглядела на его фоне я не ахти.

Яст сел рядом со мной. Привычным образом он пододвинул меня к себе, резко дернув за край табуретки, на которой я сидела.

– Доброе утро, самая красивая девушка на свете, – он ласково чмокнул меня в нос.

Я не смогла сдержать улыбку. Ну конечно, как такому очаровательному парню сопротивляться!?

– Доброе утро, самый замечательный мужчина на свете! – я пододвинулась к нему, совершенно забыв про картошку, и поцеловала в губы.

Краем зрения я увидела, что наше поведение заставило улыбнуться и саму Ларису Петровну. Она, передвигаясь тихо на пальцах, не заметно скрылась с кухни.

– Скорее бы ты начала спать ночью. Мне одиноко без тебя в постели, – рука Яста соскользнула вниз по моей спине.

– Я прекрасно тебя понимаю, – тихо произнесла я, проведя кончиком носа по губам Яста. Как же мне нравится быть так близко к нему!

Прикасаюсь к нему!

Чувствовать запах его кожи, такой манящий и приятный!

– Я люблю тебя, – тихо произнес Яст.

– А я тебя просто обожаю, – так же тихо и с улыбкой произнесла я.

Глаза защипало. Ну вот, очередной раз, когда он так нежен со мной.

Я опустила взгляд вниз, он не должен видеть, что мои глаза стали блестеть. От слез.

Я быстро проморгалась и, как ни в чем не бывало, снова подняла на него взгляд. Яст ничего не заметил, или сделал вид, что не заметил.

– Чем ты можешь меня угостить? – спросил Яст, окидывая взглядом стол.

– Ешь все, что хочешь, – ответила я, слегка пожав плечами.

Мы с Ястом принялись за еду. Я ела свою картошку, он все понемногу. Мы разговаривали, изредка одаривая друг друга поцелуями или нежными прикосновениями. Он мог погладить меня по спине, по руке, прикоснуться к моей щеке. Все его прикосновения были нежными и приятными. Я широко улыбалась, радуясь тому, что сейчас он рядом со мной.

– Вообще-то это мои багги, – заметил Яст, когда мы поднялись со своих мест.

– Нет, – я покачала головой, – твои я давно-давно по случайности порвала, и ты их выбросил.

– Давно-давно? – аккуратно спросил Яст.

– Да, когда мы еще были брат и сестра, – ответила я.

Яст тихо хмыкнул, улыбнувшись воспоминаниям. Я вспомнила, что он аж на два года меня младше. Моя улыбка исчезла.

– Но сейчас ты мне не сестра! И рядом с тобой я чувствую себя старше! – Яст подхватил меня на руки.

Я улыбнулась и потянулась поцеловать Яста.

2

Я лежала в кровати в выделенной нас с Ястом Ларисой Петровной комнате, засыпая. Полноценные вампиры засыпают быстрее, и вскоре перед глазами образуется не проглядная тьма, которая через секунду сменяется четкими образами.

Я оказываюсь на уже знакомой улице, на детской площадке. На землю падают тяжелые снежинки, и я ловлю одну из них. На моей ладони она не тает.

– Правда, здесь холодно, – я слышу ее знакомый голос, и поворачиваю голову. Рядом со мной сидит Лей, слабо улыбаясь. Ее каштановые волосы обстрижены, а карие глаза горят жизнью сильнее, чем, когда она была жива.

– Так холодно, что не тает снежинка, – отвечаю я.

– Глупенькая, – Лей улыбается шире, и из ее глаз начинают течь слезы, – знаешь, а я их больше не боюсь. Теперь, они не могут навредить мне.

Я понимаю, о чем она, и мне самой хочется плакать. Ведь она при жизни так боялась вампиров и оборотней.

– А вот ты бойся, до тебя они могут добраться, – продолжает девушка, а я и не знаю, что мне ответить.

– Я буду беречь себя насколько это будет возможно, – отвечаю я, а она ослепительно широко улыбается.

– Я верю.

Сквозь сон я вдруг слышу мелодию звонка своего телефона, и Лей остается одна, так как я просыпаюсь. Я беру телефон с тумбочки возле кровати.

– Да, Юлий, – я ответила на звонок.

– Прости, что разбудил. На улице уже темно, я думал, ты проснулась.

– Поздно легла, – ответила я, – ты что-то хотел?

– Хотел узнать, когда вы вернетесь домой. Вы там уже почти неделю. Гром еще не передумал вступить в клан?

– Нет, он уже и маме своей сказал, что будет среди нас, – ответила я.

– Хорошо, ты там спроси его про возвращение, а то время ведь идет, – попросил Юл.

– Да, спрошу.

– Отлично. Ладно, ты сейчас спать дальше или встанешь?

Я на секунду убрала телефон от уха и глянула на время.

«19:23».

– Встану, – ответила я.

– Ну ладно, хорошо. Пока.

– Пока, – я отключилась.

В доме Громовых было тихо. Было непривычно. Не играла жесткая музыка Ника, а тот не рвал струны своей электронной красотки. Телевизор не бубнил новости или прогноз погоды. В доме был полумрак.

Гром и Ли сидели на заднем дворе на скамейке, ворковали. Лариса Петровна кружила на кухне. Яста я нашла на чердаке. Он изучал окрестности свысока, выглядывая из круглого окошка. Я подошла к нему со спины, и тот дернулся от неожиданности:

– Хло...! Не пугай так меня!

– Уууу, – как проведение протянула я, продемонстрировав пластичность пальцев рук.

– Не смешно, – Яст снова уставился в окно.

– Зачем ты залез сюда? – спросила я, осматривая чердак.

Здесь было чисто, и поэтому мне это казалось ещё одной жилой комнатой. У стены стоял шкаф для банок, все были пустыми и чистыми. В другой стороне небольшой комод, сверху на

котором лежали сложенные покрывала. Конечно, это ведь реальный мир, а не фильм ужасов. Будь я главной героиней подобного фильма, сейчас бы разглядывала пыль и паутины, банки были бы наполнены эмбрионами детей, какой-нибудь мутной жидкостью и внутренними органами. А на комодке бы лежали рваные искровавленные тряпки.

– Да скучно, решил посмотреть, что тут.

– Славный чердачок! – заметила я.

– Здесь чисто, – Яст пожал плечами.

– Лариса Петровна, наверное, каждый день вытирает здесь пыль, – предположила я.

Мы с Ястом еще немного постояли на чердаке. Он показал мне обзор, что открывается из окошка.

Дом Громовых стоит на пригорке, поэтому из окна видно очень много. Соседние домики, дороги, светофоры, мост через реку Холод и саму реку, только, конечно, не полностью. Она уходила вниз и пряталась за деревьями леса. Ели стояли стеной.

После мы все же спустились вниз, на чердаке стало холодно.

Внизу словно все ожили. В длинном коридоре дома загорелись бра, стало намного светлее. В гостиной (телевизоров Лариса Петровна не признавала – это нас как обрадовало, так и огорчило: она не волновалась, смотря новости, что ей, возможно, так как она человек, угрожает опасность, о которой она ничего не знает, а это не есть хорошо) играло радио. Конечно, по радио тоже могли передавать новости о пропавших людях, но Лариса Петровна призналась, что включает его очень редко, а точнее, когда Гром приезжает навестить ее. Это бывает раз в год.

Гром и Ли слушали музыку. Они молчали, просто перекидывали друг другу нежные взгляды и обменивались теплыми улыбками. По дому разносились звуки Антонио Вивальди – winter. Госпожа Громова ходила по дому, выполняя свои вечерние дела, нежно кружась в вальсе с невидимым партнером по танцу. Мы с Ястом за этим наблюдали, стоя на кухне у широкого и высокого окна. Я ела яблоко.

– Когда-то я любила включать это радио, когда-то очень давно, – пропела Лариса Петровна, на момент остановившись возле нас, – у меня тогда даже еще не было Дени, – она печально вздохнула, – мне было девятнадцать. Мы жили в этом доме: я, моя мама, отец и младший брат Олег. Ему было пятнадцать. И я познакомилась с молодым моряком, красавцем Остином Тёрнером. Тогда на севере города открыли первый бар для людей, входить туда можно было только людям.

Я жевала яблоко, улыбалась ей и понимала, что Лариса Петровна хочет поделиться со мной своей историей. Яст стоял рядом, приобняв за талию. Мы слушали ее.

– Он назывался «Бабочка», – продолжила женщина, и я чуть не подавилась яблоком, – ну и мы с девчонками (я и еще две мои подруги) собрались туда. А как раз в город прибыл корабль, привезли в город грузы, стройматериалы, множество вещей. Тогда город обустроивался, строили новые районы. И, конечно же, морячки сошли с судна. Куда идти? Все парни люди двинулись в сторону «Бабочки». Ну так вот. Я танцую, Лена и Катя рядом. Народу много, и я не замечаю, как наступаю кому-то на ногу, при этом свою подворачивая. Поднимаю глаза, меня поймали крепкие мужские руки, а на меня смотрит парень такой красоты! Мы познакомились и все время в «Бабочке» провели вместе. Он приходил к нам домой и даже познакомился с моими родителями. Моему отцу он не понравился, но мне было все равно. Он дарил мне цветы, водил в кино, ничего не требуя взамен. Он играл мне песни собственного сочинения на гитаре, посвященные мне. Так вот однажды, когда он пришел, дома были только я и мама. Отец и Олег уехали на охоту. И Остин включил это радио. Там играл вальс. Он закружил меня в танце по комнате, и я чувствовала себя самой счастливой. Я была влюблена беспamięтства. В этот же вечер мама оставила нас одних, ей нужно было навестить нашу соседку, или это была отговорка оставить нас вдвоем. Вам интересно был ли у нас секс? – я не смогла сдержать усмешку, Яст рядом зашевелился. – О да! Мой первый в жизни. К сожалению, через

два дня ему нужно было уплыть. Что поделывать, это была его работа. И он уплыл, обещая, что вернется. Через два месяца стало известно, что я беременна. Моя мама не хотела мириться с тем, что ее дочь станет молодой мамой ребенка от неизвестного никому моряка. К моему огромному горю, ребенка пришлось убить. В абортарии мне сразу и сказали, что детей я иметь больше никогда не смогу.

Я замерла. От моей улыбки ничего не осталось.

– Он вернулся. Через полтора года. Мой отец к тому моменту был уже мертв. Задрали волки, когда он очередной раз ездил на охоту. Мама умерла через месяц после гибели отца от сердечного приступа. Брата забрали под опеку наши родственники в другой город, а я осталась в этом доме одна. Когда Остин вернулся, я сразу же рассказала ему, что произошло в моей жизни, пока его не было. А он сообщил, что ушел из моря. Сказал, что хочет быть со мной. Я работала продавщицей в рыбном магазине, он искал работу. Мы жили вместе, здесь. По вечерам мы включали это радио, и он кружил меня в танце. Мы пытались зачать ребенка, но у нас ничего не получалось. Найти работу на суше Остин не мог. Я хотела замуж, а денег играть свадьбу у него не было. И он запил. В конце концов, зимой, ночью пьяный он вдруг начал истерику, взял свою куртку и ушел. Я даже не поняла, что случилось. Весной его нашли, когда снег начал таять. Моя история не так и радужна, но это радио очень дорого моему сердцу, и поэтому я никогда его не выброшу. Но и включаю я его только раз в год, когда Гром приезжает, потому что иначе очень больно.

Она закончила свой рассказ и перевела на нас свой взгляд.

– По вашей истории можно писать драматические книги, – аккуратно произнесла я, желая, чтобы меня правильно поняли.

– Согласна, – она хмыкнула.

– А что сейчас с вашим братом? – спросил Яст.

– Он живет в городе, куда его забрали после смерти родителей. Он женат на Глэдис Стаффорд, и у них три ребенка: Брук – ей восемнадцать, Кора – ей пятнадцать и Джон – ему десять. По именам детей видно, что он подкаблучник, – женщина усмехнулась.

– И давно вы виделись последний раз? – спросила я.

– В день, когда за ним приехали родственники, – она пожала плечами.

– Ого, – не сдержался Яст, – сколько уж лет прошло.

– Я общаюсь с его женой через интернет, поэтому знаю про его семейное положение, – ответила Лариса Петровна.

Наш покой и душевную беседу разрушил Гром. По словам юноши, уже поздно для людей, а значит и Лариса Петровна и Яст должны были идти ложиться спать. У моего возлюбленного получилось отговориться, и мы остались на кухне. Лариса Петровна пожелала нам приятной ночи и ушла. Гром и Ли ушли на задний двор, им явно понравилась там скамейка. По дому продолжали разноситься звуки классической музыки.

– Ты потанцуешь со мной? – вдруг спросил Яст.

– Я не умею, – я покачала головой.

– Как же так? На выпускном балу ты не танцевала?

– Я осталась без пары, поэтому нет, – ответила я.

– Тогда я сейчас тебя научу, – Яст взял меня за руку и через коридор провел меня в гостиную.

Он положил мою левую руку к себе на плечо, а правую себе на ладонь. Его правая рука легко легла мне на талию.

Музыка поспешила унести нас в танец, и Яст подчинялся ей. Легким движением он начал порхать по комнате, я следовала за ним, но у меня плохо получалось. Через минуту мы остановились, потому что я очередной раз наступила Ясту на ногу. Парень поднял глаза к потолку, терпел боль.

– Ну, я же говорила, что не умею! – устало выдохнула я.

– Просто следуй за мной и не думай о своих ногах, – Яст медленно опустил на меня взгляд.

– Это тяжело, – честно призналась я.

– Никто не спорит! – он согласился и повел меня в танце.

Я попыталась раствориться в музыке. Пыталась раствориться в Ясте. И мне это удалось. Мы уплыли в танце, он кружил меня, и я ощущала себя принцессой на балу. Не хватало только шороха моих юбок.

Ох, Яст!

Моя голова была возле шеи юноши, и я глубоко вдохнула его запах. Такой вкусный и манящий, мне хотелось тереться об Яста как кошка. Мне казалось, словно я сошла с ума.

Яст продолжал танцевать со мной, и я полностью потеряла связь с реальностью. Его волосы, нос, глаза и губы... крепкие руки.

Яст, ты единственное хорошее в моей жизни!

– Я люблю тебя! – шепнула я, когда музыка закончилась, и мы остановились посередине комнаты.

– И я тебя люблю, Хлоя, – улыбнулся мне Яст.

Он отпустил меня, продолжая так же сказочно улыбаться.

– Ты здорово танцуешь! – похвалила я, и подошла к комоду, где стояло радио. Я выключила музыку.

– И ты неплохо.

Я окинула радио взглядом. Как и все в доме, оно было раритетным. Комод, на котором стояло радио, был выполнен из темного дерева. У него были закрученные ножки, и стоял он у огромного окна, которое закрывали легкие шторы бежевого цвета с синими бутонами цветов. Все в доме было старым.

Меня передернуло – из коридора раздался неожиданный бой часов.

«24:00».

– Уже поздно, – проговорил Яст.

– А мой день только начался, – ответила я.

– Не хочу идти спать, – шепнул парень, подойдя и заключив меня в объятия. Его прикосновения были нежными, заставляя внутри меня что-то напрягаться. Внутри было странное томление.

– А что хочешь? – внутри все начало кипеть.

Яст не ответил, легко прикоснувшись своими губами к моим. Его горячий язык мягко коснулся моей верхней губы, и низ живота потяжелел. Волна вожделения ударила внутри. Энергия, всепоглощающая, диким огнем объяла мое сердце. Оно билось как сумасшедшее, разгоняя по телу огонь. Мои руки автоматически потянулись к шее Яста, мне хотелось прижать его к себе сильнее. Дикая жар сжигал все внутри меня, и от этого становилось очень жарко. Яст был прижат ко мне вплотную, одаривая меня поцелуями, но мне этого было мало. Я прижимала его к себе все сильнее и сильнее, и каждый раз мне казалось, что этого недостаточно. Мои руки спустились ему на спину, его тем временем гладили мою поясницу, сжимали ягодицы. Внутри меня били чувства, мяч бил вниз живота и поднимал брызги воды. Капли долетали до самого сердца, а то горело необузданным пламенем. Капли воды казались кислотой, прикасаясь к раскаленному сердцу, и это еще больше возбуждало меня. Яст продолжал играть с моими губами, дразня их своим горячим языком. Я не заметила, как начала двигать тазом на встречу Ясту, а мои руки были уже готовы порвать его футболку.

Просто поцелуй, а я покинула реальность.

Раздался треск, синяя ткань футболки потоком стекла с плеч Яста.

Ваниль и лимон пропитали всю комнату. Этот запах как наваждение. Все мои мысли, действия, желания были направлены на Яста. Его хотело мое тело: плоть и кровь. Я слышала его сердцебиение, оно било ритм нашим поцелуям, играм языка Яста, моим движениям таза. Его кровь манила меня, и где-то в глубине моего подсознания кружили мысли, как сильно я хочу выпить его кровь.

Я выгибалась навстречу Ясту, желая быть к нему максимально близко.

– Спасибо, она мне никогда не нравилась! – оторвался от моих губ Яст, но я не поняла, о чем он. Я вообще не могла думать.

Я развернул меня к себе спиной, его руки потянулись к замку джинс, и багги упали на пол.

– Нагнись! – я выполнила указание Яста.

Нужно было бы включить музыку, чтобы нас было максимально не слышно. Но у меня не поднялась рука. Мы бы опорочили все, что для Людмилы Павловны так важно. Когда-то под музыку радио она танцевала с любимым мужчиной, которого, возможно, любит и сейчас, и я не могла позволить себе все это обесчестить.

Гостиная сама по себе комната не большая. Ее стены обклеены старыми узорными обоями. Раньше они были жёлтыми, но за годы они выцвели и приобрели блеклый бледно-банановый цвет. В некоторых местах, они были потертые, продырявленные. На полу был паркет, на котором постелили красивый ковер с красным узором. Камин, кирпичный. На полочке над ним стояли чугунные кони – копия творения искусства. Напротив камина у стены диван с завитыми ножками, обшитый затертым и выцветшим зеленым бархатом. Огромное окно, шторы с синими маками (пусть таких не существует). Комод, на нем радио. И последнее, с потолка свисала огромная хрустальная люстра. Комната казалась полупустой.

Гром и Ли вернулись в дом вовремя, точнее мы вовремя покинули гостиную и перебрались в выделенную нам спальню. Когда-то она принадлежала Олегу. Она была обставлена так же старо и не богато, как и все остальные комнаты. Яст измотался за день и уставший сразу же уснул, как только его голова коснулась подушки. Я прилегла рядом и на удивление для себя ощутила странную усталость. Внутри меня словно что-то рассеялось, и я ощутила, как потяжелели веки. Концентрация крови Юла внутри меня упала. В темноте комнаты в моей крови стали вырабатываться человеческие гормоны: я засыпала. По-человечески засыпала. Я почувствовала, как расслабилась каждая моя мышца, глаза закрылись, я не могла пошевелиться, но еще слышала, что творится вокруг. Как же сильно я отвыкла от такого. Мысли неслись с диким потоком, путались и напоминали бред сумасшедшего. Где-то на заднем плане всего этого беспорядка мыслей играли 3 doors down – in the end. Или The Linkin park, я так и не разобралась, кто поет эту песню. Сон пришел так же неожиданно, как и ощущение усталости.

В темноте перед глазами прорисовывается стройная фигура, и в ней словно горит смертоносное пламя. Огонь приобретает форму, и на меня смотрят голубые глаза.

Мелитта смотрит на меня из темноты. Именно в этот момент я понимаю, что мы стоим на ночной улице, которую тускло освещают фонари. Она не улыбается, молчит.

– Привет, – я пытаюсь заговорить первой.

– Привет.

Ее голос безразличен, она стоит, не шелохнувшись и просто смотрит на меня. Я подхожу к ней ближе и заглядываю глаза. Зрачки расширены, а дыхание тяжелое и частое.

– Ты болеешь? – спрашиваю я, на что она отвечает:

– А что? Я снова могу это делать?

Мне становится страшно. Она кажется мне сумасшедшей, и я не знаю, что сказать, вдруг начинает она:

– Ты не изменилась, если не брать в счёт новые шрамы, – она словно видит меня сквозь одежду.

– Метки клана Феликса, – отвечаю я, и она молча согласно кивает.

Мне начинает казаться, словно этот сон будет продолжаться вечность, но Мелитта, явно не желая со мной общаться, растворяется снова превращаясь в пламя. И вскоре тьма сгустилась, забирая в себя образ девушки. Сумасшедшей девушки.

3

Когда я проснулась, Яст еще спал. На улице был ранний рассвет. Я поднялась с подушки и ощутила отвратительную слабость, словно всю ночь я не спала, а гоняла мяч по футбольному полю. Вот оно человеческое пробуждение, нужны силы, чтобы заставить себя проснуться. Голова казалась тяжелой, как мокрая вата. Когда во мне бурлила кровь Юла, просыпаясь, я могла пробежать километр, два, три. Теперь же, когда почти вернулась я настоящая, пробуждение стало по-человечески тяжелым.

Я спустила ноги на пол и попыталась на них встать. Получилось с первого раза, но они казались мне очень слабыми, не устойчивыми. Честно, меня это напугало.

Я знала, что Гром и Ли еще не спят, и я решила спросить у них совета.

Я вышла из комнаты, держась за стену. Казалось, что мои слабые ноги в любой момент подогнутся, и я упаду. Вниз по лестнице я спускалась очень медленно и аккуратно, как это делают пожилые существа. Полноценные вампиры сидели в кухне и пили из контейнеров кровь. Мне не хотелось, ведь совершенно недавно я пила кровь Яста.

– Хло, ого, – выдохнула Ли, когда увидела меня в дверях, – что с тобой?

– Я хотела у вас узнать, – ответила я, – всю ночь спала, а теперь эта дурная слабость.

– Ты пахнешь шоколадом и мятой, боюсь, кровь Юла полностью выветрилась, – Гром оторвался от пластикового пакета.

– Хочешь сказать, я больше не слышу и не бегаю, и не вижу, и не чувствую, как полноценный вампир? – обиженно произнесла я. Ведь я так свылась с этой силой, а теперь я снова... снова слаба.

– Да, именно это, – ответил Гром.

Я опустила взгляд в пол. К сожалению, я не в силах ничего изменить. Я была рождена половинкой, нужно ей и оставаться до конца.

– Ну и ладно, – отмахнулась я, – но что могло вызвать столь резкий упадок концентрации крови Юла во мне?

– Вожеление, – Ли подмигнула мне, и я ощутила, как странное тепло ударило к щекам. Я покраснела, ох, как же я отвыкла от такого.

– Гром, – вдруг вспомнила я, – я забыла сказать. Юл звонил мне, он спрашивает, когда мы возвращаемся домой и не передумал ли ты?

– Неужели, вспомнила! – Гром иронизировал. – Мне Юл уже сам позвонил. Но если тебе интересно самой, то уезжаем этой ночью и, нет, не передумал.

– Отлично, – я улыбнулась.

– Уже? Так скоро? – на кухню заглянула Лариса Петровна. – Сегодня ночью? Вы всего лишь неделю погостили!

– Прости, мам, но ждут дела, – Гром пожал плечами, – там работа ждет.

– Как жаль, – выдохнула Лариса Петровна, – ну ладно. Раз работа ждет, я ничего не могу сказать против.

– Мы как-нибудь еще заедем, – пообещала я.

– Хорошо, я буду ждать, – женщина улыбнулась мне.

Лариса Петровна все же заставила меня позавтракать, пусть мне и не хотелось. Она налила мне горячий чай и пожарила блинов с красной икрой. Когда я принялась есть, на кухню спустился заспанный Яст.

– Доброе утро, сегодня ты не такой бодрый, как вчера, – заметила я.

– Доброе. Ты тоже, – Яст осмотрел меня с ног до головы, – кровь выветрилась?

– Да, полностью, – ответила я.

– Еще вчера ты пахла корой дуба, – вспомнил Яст.

– Ли сказала, что это из-за..., – я перекинула взгляд на Ларису Петровну. Та стояла к нам спиной на расстоянии двух метров, жаря следующую порцию блинов.

– Я понял, – кивнул мне Яст, – и как ты себя чувствуешь?

– Очень непривычно, – ответила я, – ноги кажутся двумя соломинками, такими же слабыми.

– Я понимаю тебя, я испытываю то же самое, когда твоя кровь выветривается.

– Ты знаешь, что этой ночью мы уезжаем? – спросила я, откусывая блин.

По этикету блины принято есть ножом и вилкой, и ни в коем случае не руками. Но мне то что!? Все что можно удержать в руке, я ем руками.

– Да. Мне Денис сказал, – он кивнул.

– Я слышала, как ты называешь Деню, – обернулась ко мне Лариса Петровна, – почему Гром?

– Из-за фамилии, – я пожала плечами.

– Ах, тогда ясно, – женщина поставила перед нами тарелку с огромной стопкой горячих блинов.

Я есть больше не могла и перевела на Яста вопросительный взгляд. Тот уплетал за обе щеки, любитель покусать. И как у него получается так хорошо есть и так хорошо выглядеть одновременно?

Оставив Яста на кухне, я решила все же уделить внимание своему внешнему виду. Я залезла в душ, долго настраивая воду. Здесь с сантехникой были небольшие проблемы, и воды была либо ледяной, либо горячей. Я растерла все свое тело и сняла слой грязи, накопившийся с последнего приема душа, это было два дня назад. Одежду я решила подобрать себе новую – устала ходить в одном и том же, поэтому высушив волосы, убрав их в высокий конский хвост и надев на себя джинсы слим и белую облегающую майку, я вышла из ванной. К тому времени в доме стало тихо как ночью. Тихо играло радио в гостиной, Яст сидел на диване и что-то читал, Лариса Петровна чем-то была занята у себя в комнате, Гром и Ли спали.

Я прошла к Ясту. Тот поднял на меня свой взгляд.

Я улыбнулась ему.

Я чего-то ждала.

– Что? – Яст широко улыбнулся, и я присела рядом. Диван оказался очень жестким.

– Что читаешь? – я глянула на обложку. На ней ничего не было написано. Она была такой же зеленой и выцветшей, как обшивка дивана.

– Это мемуары Жанны Бисквит, – ответил Яст, закрыв книгу, – история поэта.

– Интересно? – спросила я.

– Не очень, просто нужно было чем-то заняться, пока ты не выйдешь из душа, – Яст пожал плечами.

– Дома делать нечего, может, прогуляемся?

– Я видел твою куртку, ты ее порвала на левом боку, – сообщил парень.

– Я одену свой дафлкот, – я пожала плечами.

– Хорошо, тогда между заборами не лазим, – Яст усмехнулся.

– Хорошо.

Через некоторое время мы уже стояли у выхода в полном параде. Я не стала переодеваться. Я одела свой бежевый дафлкот и в цвет к нему зимние ботинки. Шапку одевать я не стала, на улице казалось тепло.

Мы вышли на улицу, и я моментально пожалела, что не надела защищающий от холода головной убор. Дул сильный, порывистый и холодный ветер. Мы взяли за руки и пошли вниз по улице в направлении к реке Холода. Яст крепко сжимал мою руку, так, что было слегка больно, но я ничего ему не говорила. Мы шли быстро, хотелось скорее убежать от этого ветра. Так мы, молча, дошли до моста, но нас и не напрягала тишина.

– Холодно гулять, – заметил Яст.

– А мне нормально, – я пожала плечами, и прижала его к себе, – главное, ты рядом.

Яст слегка наклонился ко мне и поцеловал.

– Голова еще не замерзла? – Яст положил свои теплые руки мне на уши. Его руки обжигали.

– Вроде пока что нет, – ответила я.

Мы стояли на мосту. Солнце было уже высоко, и оно освещало все вокруг. Солнечные лучи били в тонкую гладь реки Холода, и блики разлетались в разные стороны. Они даже гуляли по щекам Яста. Мимо нас пролетали машины, одна за другой. Нас обдувал и убегал вдаль зимний ветер. И мне не было холодно. Руки Яста, его ласковый любимый взгляд меня согревали.

Внутри меня что-то ударило.

– Догонишь? – спросила я резко и неожиданно.

Я развернулась и побежала. Блики ослепляли меня, а ноги переставлялись непривычно медленно. Я отогнала силу от глаз, и энергия ударила в мышцы ног. Я полностью лишила себя зрения, и ноги понесли меня с удивительной скоростью. Так же быстро как полноценного вампира, но только за счет полного лишения возможности видеть, куда бегу.

Я слышала, как позади бежит Яст, его дыхание сбилось. Ему было тяжело, но он не отставал. Казалось, что в любой момент он может протянуть руку и схватить меня.

– Хлоя! – вдруг рыкнул Яст, и меня резко остановило. Сила потянула меня в обратную сторону, и я не удержалась на ногах. Моя пятая точка стукнулась на тротуар, и сила, как лопнувшая резинка резко ударила в глаза.

Я сидела на тротуаре, рядом стояла остановившаяся машина. Возле нее стоял этгем. Его белый костюм светился в лучах солнца. Рядом со мной стоял Яст, тяжело дыша.

Интересно, что успело случиться?

– Добрый день, – голос этгема был тверд, – по какой причине Вы оказались на проезжей части? Да еще и чуть не под моей машиной! Или Вы не знакомы с ПДД?

– Знакома, – я медленно поднялась под ноги, – простите, я просто не видела, куда бегу.

Этгем прищурился.

– Мы приносим свои извинения, сер, – заговорил Яст, – она просто хотела быстро бежать, поэтому лишила себя зрения.

Этгем перевел взгляд на парня потом обратно на меня.

– Это безответственно, разве мама тебе не говорила, что играть на дороге нельзя? – заговорил этгем.

– Если б она была, то она бы обязательно об этом сказала, – слова этгема внутри меня что-то задела.

– Хлоя, пожалуйста, – устало выдохнул Яст.

– Вы клан? – этгем перевел взгляд на Яста.

– Да, сер.

– Ладно, идите, но больше не бегайте вдоль дороги, – сказал этгем. Только в этот момент я поняла, что он полноценный оборотень.

– До свидания, сер, – попрощался Яст.

– Прощайте, – этгем сел в машину и уехал.

Когда машина исчезла из поля зрения, Яст обратился ко мне:

– Доигралась?

– А что вообще случилось?

– Ты резко свернула и чуть не прыгнула ему под колеса, хорошо, что я успел тебя схватить, – ответил парень.

Рисковать и гулять вдоль дороги нам больше не хотелось, поэтому мы решили вернуться к частным домикам холма Благополучия. Тут я и вспомнила:

- Я недавно видела Феликса и Геллу.
- Где?
- У реки Холода с обратной стороны холма.
- Если я не ошибаюсь, то та территория принадлежит оборотням.
- Откуда знаешь? – я была удивлена.
- Гром говорил, когда мы только ехали сюда, – Яст кратко пожал плечами.
- Почему я не в курсе!? – недовольно протянула я.
- Это не главное! Почему они не убили тебя?
- Я слышала, как они разговаривали, – начала я, – они считают, что убивать сейчас кого-либо очень опасно. Да и я была очень далеко от них. Они меня даже не узнали.
- Ты говорила Грому?
- Нет, – я покачала головой, – забыла.
- Как такое можно было забыть? – Яст не понимал меня.
- Ну, как-то так.

Мы шли между домиками. Державшись за руки, мы оба смотрели куда угодно, но только не друг на друга.

Я подняла глаза к небу.

Небо было удивительно синее. Мысли кинулись на меня потоком, и они были не самыми лучшими. Все мы думаем, размышляем, анализируем. Тот, кто это не делает, ничему не учится. Я знаю, что, когда я нашла Яста на чердаке, он, вглядываясь вдаль ночного города и любуясь бликами реки Холода от уличных фонарей, так же о чем-то думал, чему-то учился.

Небо унесло меня. Когда-то давно я уже видела такое удивительное чистое небо. На душе потеплело. Как непривычно, за столько месяцев страха и ужаса.

На мне персикового цвета платье. Летний легкий ветер раздувает мою челку, а мои длинные светло-сиреневые волосы заплетены в тугую косу: Ли училась на мне заплетать. Мимо промчался свист: я не успела отбить воланчик.

"Хло, ты чего!?" – с другой стороны поля мне кричит красноволосая девушка.

Мне скоро четырнадцать, ей семнадцать.

Мы на мини бейсбольном поле за нашей школой.

"Прости!" – кричу я в ответ, и бегу за воланчиком, что лежит на земле в трех метрах от меня. Я разворачиваюсь и в тени тополя вижу фигуру. Он старше меня, даже старше Ли. Его лица не видно. Он курит. Курит на территории школы!?

Синее небо топило меня в себе, и я не могла остановить поток отвратительных мыслей у себя в голове. Ведь тогда я впервые встретила его. Позже я снова его встречу.

Дунул холодный ветер, и небо окинуло меня новой волной.

Мне четырнадцать лет. Уже начало сентября, и я учусь в восьмом "Б" классе. Раньше я ходила сюда с Ли, но она школу закончила. Я останавливаюсь у забора школы, чувствуя на себе тяжелый взгляд. Я осматриваю тополя и вижу его. Он не курит. Через секунду он оказался рядом, он очень быстрый. Его глаз не видно из-за солнцезащитных очков. Я боюсь и не боюсь. Что мне делать?

"Так тебя зовут Хло?" – голос его был липким. Он чем-то тягучим затекал мне в уши, было неприятно. Хотелось, чтобы он замолчал.

"Хлоя" – поправила его я, ощущая странное отвращение.

"Ты, наверное, опаздываешь" – парень махнул головой в сторону школы.

"Пока что нет" – отвечаю я.

"Сколько у тебя сегодня уроков?"

"Шесть" – игнорируя отвращение, меня изнутри рвал дикий интерес узнать, что скрывается под очками.

Синее, синее небо... Осенний ветер, шум листвы, с территории школы разносятся писк и визг девчонок, хохот парней.

"Я заберу тебя сегодня после уроков" – отвечает он.

Синее, синее небо...

Отвратительный запах плавленных свечей. Этот запах с того дня ненавижу. Вокруг рассыпаны лепестки роз. Что мы делаем? Мы оскорбляем любовь. Я лежу голая. Пол кажется холодным, но я пытаюсь не обращать на это внимания. Знаю, что скоро согреюсь. Он стоит передо мной, сексуальный, но не возбуждающий. Мне больно, что-то ломит в груди. Зачем я согласилась? Почему я все это делаю?

Мы в темноте, точнее в полумраке. Запах тающих свечей, и маленькие огонечки во мраке. Лепестки роз. Это не романтика, это никчемная пародия на нее.

Я отдаюсь. И вместе с болью внутри живота я чувствую что-то отвратительное в груди.

Кровь.

Но ведь все должно было быть иначе! Почему? Почему я здесь?

Я дошла до точки невозврата. Ошибка сделана, и ее не исправить.

Запах воска, огоньки, лепестки роз.

А самое главное, все это по моему согласию.

Синее, синее небо.

Мне пятнадцать. На улице пусто, удивительно, но это и к лучшему. Мои волосы распущены и их рвет холодный зимний ветер. А небо действительно удивительного синего цвета. В кармане завибрировал телефон, и я поспешила его достать. Эл терпеть не мог, когда я заставляла его ждать ответ. Кричал и оскорблял меня. Мне нужно срочно ему ответить.

"Ты ночуешь сегодня у себя или у меня?"

Я знала, что он будет делать со мной ночью, если я буду у него, и он хочет, чтобы ночью я была с ним. Я обязана согласиться ночевать с ним.

"С тобой" – мой ответ.

"Правильно!"

Синее, синее небо.

Моей жизни больше нет. Я живу с ним. Юл не знает, в каких условиях, и не узнает. Особенно я хочу уберечь от правды Яста.

1. Выходить из квартиры нельзя.
2. Имею право ходить только голая.
3. Не имею права есть, пока не захочет Эл и ем только то, что разрешит есть он. Везло, если получалось поест один раз в неделю. Это был хлеб. Раз в месяц макароны или картофель. Вареный картофель.
4. Запрещено мыться.
5. Можно смотреть только разрешенные Элом ТВ-программы и только в его присутствии.
6. Запрещено слушать музыку.
7. К Элу нельзя обращаться по имени. Только ласкательно: солнышко, зайчик и так далее.
8. Нужно помогать ему, поддерживать добрым словом, поднимать настроение, если он приуныл.
9. Ни в коем случае не перечить, и выполнять все поручения.
10. Засыпать только с разрешения. Просыпаться с первого слова. Просыпаться ночью если этого хочет Эл, и не засыпать без его позволения.
11. При необходимости выйти на улицу Эл решает, что мне надеть. Покупать себе новую одежду запрещено.
12. Не сопротивляться.

13. Не плакать и не жаловаться.

Синее, синее небо.

Я опустила взгляд. Яст продолжал рассматривать домики вокруг, сжимая мою руку.

– Яст, – шепнула я, и парень моментально перевел на меня взгляд. В самом его зрачке я увидела тревогу.

– Что случилось? – он сжал мою руку сильнее и остановился, я замерла рядом.

– За что ты меня любишь? – тихо спросила я.

– За что!? За то, что ты просто существуешь! – Яст улыбнулся. – Ты прекрасна, это точно, но я люблю тебя не за наружную красоту. Ты очень красива и внутри: умная, добрая, понимающая, смешная и веселая. Любишь поесть!

Я усмехнулась.

– Да! Обожаю, когда ты составляешь мне компанию в поедании бутербродов! – Яст тоже засмеялся.

– Конечно, это самое главное во мне, – я усмехнулась.

– Эх, – Яст вдруг обреченно выдохнул и прижал меня к себе, – когда-нибудь ты расскажешь, что тебя мучает?

– Когда-нибудь, – я пожала плечами, – но единственное, что я тебе скажу, это будет то, что это просто прошлое.

– Хлоя! – парень отодвинулся от меня и заглянул в глаза. – Кто-то из прошлого очень сильно когда-то тебя обидел! Это видно... в твоих зрачках!

– Зрачках! – я попыталась проморгаться, чтобы в моих глазах он больше ничего не увидел, что могло сдать меня с потрохами.

Когда-то давно я пообещала себе, что Яст ничего не узнает.

– Ты скрываешь это специально? – Яст обиженно хмыкнул.

– Милый, то, что было, то прошло. Я не хочу ворошить прошлое.

– И при этом каждый раз возвращаешься к этому мыслями, – Яст отпустил меня, он казался обессиленным.

– Прости, – шепнула я.

– Не извиняйся, – Яст поднял глаза к небу.

Синее, синее небо.

4

Дома я попыталась отвлечься от всей той тяжести, что накинута на мою душу. Я села на диван в гостиной, Яст оставил меня. Играло радио. Снова классика, снова спешащая унести меня вдаль собственных мыслей.

Думать о чем-то больше не хотелось. Казалось, словно все, что я вспомнила, нужно выплакать, и я дала волю эмоциям.

Я подтянула колени к груди и закрыла лицо руками. Слезы хлынули из меня потоком, словно кто-то открыл кран. Со слезами уходила боль.

– Хлопечка, – в гостиную влетела Лариса Петровна, и я стала тщательно вытирать слезы.

Лицо отекло и покраснело. Скрыть то, что я все же рыдала, было невозможно. Я глубоко вдохнула через рот, понимая, что разговора с женщиной не избежать.

– Милая, что у тебя случилось? – тихо спросила Лариса Петровна.

– Все нормально, ничего страшного, – ответила я, отворачиваясь, чтобы женщина не видела моего лица.

– Ты можешь довериться мне, – ответила женщина.

– Меня мучает мое прошлое, – ответила я.

– Что же такое ужасное случилось в твоей жизни?

– Я никому не рассказываю, – я увела взгляд, вспомнив слова Яста. Мои глаза выдают мою боль.

– Это другой мужчина, – с уверенностью проговорила женщина.

Я молча кивнула.

– Он принес тебе боль?

Я снова кивнула.

– Насколько давно вы разошлись?

– Мы познакомились, когда мне было четырнадцать, а в шестнадцать я его оставила.

– Ты была еще ребенком! – от ужаса у женщины перехватило дыхание, и она упала на диван рядом со мной, схватившись за сердце.

– Ему было девятнадцать, когда мы познакомились, он даже не был моим ровесником, – я шептала.

– Бог ты мой! Девочка моя, что ж тебе пришлось пережить, – Лариса Петровна в ужасе раскрыла глаза, продолжая руками сжимать свое сердце.

– Поэтому я никому ничего не рассказываю, – я махнула головой в сторону ее рук, дав понять, что она не первая, кто начинает в пустую жалеть меня.

– Хлоя, – голос женщины был тверд, и я подняла глаза на нее, – это прошлое, вся боль в воспоминаниях, а ты, судя по всему, любишь к ним возвращаться!

– А Вы сами? Вы так же живете прошлым! – я перевела взгляд в сторону радио.

– Ты можешь потерять Яста, если будешь вспоминать то, что должно кануть в небытие.

Не повторяй моих ошибок, отпусти прошлое.

– Мы можем исправить все вместе! – прошептала я.

– Что для тебя Яст?

– Спасение, – глаза зажгло, и я стала чаще моргать, – свет. Он мой ангел.

– Яст сейчас здесь и с тобой! Не уходи в прошлое! Думай о настоящем! – Лариса Петровна поднялась с дивана и прошла к комоду. – Постоянно возвращаясь в прошлое, ты не живешь, ты существуешь. Это касается и меня.

Я сидела на диване и наблюдала, как Лариса Петровна отключила радио от сети.

– Что осталось у тебя после отношений с этим парнем? – Лариса Петровна стояла ко мне спиной.

– Только шрам на ноге, – ответила я.

– А мне досталось радио, – она взяла его в руки и развернулась ко мне лицом, – и я хочу его разбить!

– Почему?

– Потому что это прошлое, из-за которого я не могу жить в настоящем!

Лариса Петровна разжала руки, и радио упало на пол. Раздался треск пластика, и задняя крышка корпуса отвалилась.

– В таком состоянии оно все равно будет работать! – недовольно протянула женщина. Она смогла решить эту проблему, широко раскрыв окно и вышвырнув в него радио.

– Почему Вы не сделали этого раньше? – я не понимала, что происходит.

Казалось, действительность вокруг меня быстро и уверенно сходит с ума.

– Потому что только сейчас поняла, что наши воспоминания убивают нас, – она заговорчески улыбнулась.

– Яст хочет знать, кого я вспоминаю, – я уже не шептала, – но я обещала себе, что он никогда не узнает.

– Ему важно это, – Лариса Петровна заглянула мне в глаза, – расскажи ему. Тогда вам обоим станет проще.

Мертвое радио молчало. Оно лежало на улице под окном. Солнечные лучи били в металлические части корпуса и в разные стороны разлетались бликами. Я шла медленно, и каждый шаг словно был разрывом с чем-то из прошлого. Я вышла из гостиной и шагнула на ковер в коридоре. Я услышала треск ткани, но он был где-то глубоко в голове. В действительности все было целым. В голове я слышала голос, крик воспоминаний, что не хотели кануть в прошлое, и моего воображения: "Я принес слишком много боли, ты не сможешь меня забыть и поделиться переживаниями".

В этот момент я уже уверена в своих силах. Я сделала следующий шаг.

"Хлоя, а, может, внутри души ты скучаешь?"

Вот уж нет!

Ответ мне захотелось закричать на весь дом, но я решила душевное оставить своим душевным.

Не скучаю! Ты отвратительное прошлое!

Я зашагала быстрее, игнорируя оскорбления в своей голове. Все, что когда-то давно он говорил, вспомнилось до мелочей. Злость внутри меня заставила биться сердце ускоренно.

"ТЫ НИКОМУ НИКОГДА НЕ БУДЕШЬ НУЖНА!"

Я замерла на третьей ступени лестницы.

"Вот так-то Хлоя! Мы оба знаем, что ты никто, и ты никому не нужна"

Ты не прав! Яст был рядом всегда, даже когда мне было очень плохо. Я нужна ему!

Я шла вверх очень медленно, рассматривая узор ковра, которым была обита лестница. Каждый мой шаг давался с трудом, словно штанины джинс сшили нитками. С каждым шагом приходилось прикладывать все больше усилий.

Передо мной предстал коридор второго этажа. Казалось, словно меня покинули силы.

Боль? Страдания? Мучения? На самом деле не они убивают нас. Нас убивают воспоминания. Воспоминания, которые вечно и бессмысленно бороздят наши мысли. Тот, кто вспомнит, проанализирует и скажет спасибо за все, ведь благодаря пережитому я стал таким, какой я есть сейчас, воскреснет. Оторвется от всего ужасного, и не будет топтаться на одном месте, а будет жить дальше.

И вот, я стою в коридоре второго этажа. Напротив меня в конце коридора стоит Яст, он смотрит на меня. Чего-то ждет, так же, как и я.

Глубокий вдох, и я иду ему навстречу.

– Ты многое хочешь знать, – говорю я, когда он уже близко ко мне.

– Ты готова поделиться задушевым? – спрашивает он, в голосе чувствуется неуверенность.

– Да, – я киваю, – поделиться и забыть.

– Ты ведь никогда это не забудешь, – Яст медленно качает головой.

– Я это, наконец, смогу отпустить.

Я медленно в подробностях стала рассказывать Ясту свои те два года. Он слушает, и его лицо с каждой секундой становится мрачнее: брови сдвигаются к переносице, губы кривятся, все лицо пошло глубокими морщинами. В глазах печаль.

Зато теперь я не буду жить прошлым!

– Прекрати, – вдруг останавливает меня он, – я не могу это слушать.

Но ведь я должна рассказать! Я должна прогнать прошлое!

– Ладно, – я не вижу смысла давить на него, но и в этот момент что-то внутри меня растаяло.

Я выдохнула, пытаюсь скрыть печаль. Яст молчал.

– В любом случае, я рад, что ты выговоришься.

Я промолчала. Ох, Яст, знал бы ты, что я рассказала только цветочки. Ягодки были впереди.

– Тебе легче?

– Ну да, – ложь. И я не смотрела на него.

– Я рад.

Я развернулась и направилась вон по коридору.

– Ты куда? – вдруг Яст развернулся от окна и направился ко мне. – Все это рассказала, чтобы оставить меня? – в глазах его мелькнула злость. – Хлоя!

Он прижался ко мне. Жар его тела ударил меня волной. Уже знакомые ощущения нахлынули на меня. Внутри живота приятно сжалось, и я поняла, чего хочет мое тело. Я прильнула к Ясту с поцелуем, тот ответил мне взаимностью.

Вдруг я остановилась. Что-то странное было сдавлено внутри меня, и сейчас я не могла расслабиться. Яст заметил это и отстранился от меня. Внутри меня уколола совесть.

– Не сейчас, Яст, – я уперлась ему в грудь рукой, чтобы он не имел возможности подвинуться ко мне.

– Объясни мне, что не так? – в его глазах я увидела тревогу и обиду.

– Не сейчас, – я опустила взгляд.

– Я не могу понять, что не так?

– Просто не сейчас, – я выпуталась из его объятий и направилась вниз по лестнице. Неужели мои откровения сделали только хуже.

– Хлоя! Остановись! – Яст догнал меня и схватил за руку. – Может, ты все же скажешь, что тебе не нравится?

– Я просто хочу... хочу отвлечь от всего, что сейчас навалилось на мои плечи.

– Я навалился на твои плечи? От меня отвлечься хочешь?

Я замерла. Неужели у нас сейчас будет первая серьезная ссора?

– Нет, с чего ты взял!?

– Ты никогда раньше не отказывалась! – заметил Яст.

– Что-то когда-нибудь случается первый раз, – я глубоко вдохнула, – и это тоже.

– Я боюсь..., – он отпустил мою руку, – боюсь...

– Ястислав, Хлоя, – в коридоре первого этажа послышался голос Ларисы Петровны, – у вас что-то случилось?

– Чего боишься? – шепнула я.

– Что ты однажды просто скажешь, что не любишь меня, – Яст отшагнул от меня.

– Дурак! – вдруг крикнула я. – Как я смогу такое сказать!?

Я стояла, а его слова пытались пробить мою защиту слезами. Не плакать!
Внутри, в груди зародилась обида. Как он мог такое сказать!?

– Ястислав! Хлоя! – на первом этаже за нас беспокоились.

– Все хорошо, не волнуйтесь, – крикнула я, почувствовав, что на последнем слоге мой голос сорвался.

– Хлоя, – Яст сделал мне шаг навстречу, – прости. Я не хотел тебя обидеть! Просто я люблю тебя и очень боюсь тебя потерять!

– Ага, – только и смогла сказать я, и, развернувшись, сбежала вниз по лестнице.

– Хлоя! – крикнул мне вслед Яст, но я уже была на улице.

На улице было холодно. В конце концов, январь месяц. На ногах только тонкие носки, джинсы да белая облегающая майка. Ледяной ветер моментально поспешил ударить меня по каждому оголенному участку кожи. Я двинулась по улице. Я не бежала, я быстро шла. Я не оборачивалась, но я знала, что Яст не бежит за мной. Вдруг я услышала, как хлопнула где-то позади двери.

"Хлоя!" – как из тумана доносилось до меня.

Я остановилась как вкопанная.

...красная кровь на белом снегу... Как красиво!

Небо черное, ночное. Мне шестнадцать. Я бегу из дома, наполненного ужасами. Кровь стекает по моему подбородку и шее.

"Хлоя!" – разносится откуда-то из далека.

...красная кровь на белом снегу... Как красиво!

Я медленно обернулась. По улице ко мне навстречу бежал Яст. Растрепанный, он держал в руках мои сапоги и дафлкот.

Я попыталась сдержать улыбку, ведь в конце-то концов, я обижена.

– И далеко ты собралась? – спросил он, когда оказался рядом со мной.

Я пожала плечами.

– На, одевай, на улице холодно, – Яст поставил передо мной сапоги.

– Не буду, – я сложила руки на груди.

Яст взял мою первую ногу. Я не сопротивлялась, и вскоре она была в сапоге.

– Не хватало, чтобы ты еще заболела, – выдохнул Яст, одевая мне второй сапог.

– Половинчатые вампиры не болеют, – сообщила я, и Яст поднял на меня недовольный взгляд.

Вскоре и дафлкот был на мне.

– Так-то лучше, – выдохнул он, когда последняя пуговица была застегнута, – теперь можешь идти куда шла.

Он развернулся и направился к дому.

Я улыбнулась, ведь улыбку эту он не видел.

Я последовала за ним, догнала и взяла за руку:

– Куда пойдем?

– Я домой, – он кинул на меня взгляд.

– Не, давай погуляем? – спросила я.

– Давай, ты не будешь так больше от меня убегать? Хорошо?

– Хорошо, – я кивнула, почувствовав, как внутри уколола совесть.

– Ну, так куда пойдем гулять? – спросил Яст, улынувшись.

– Я бы посидела в кафе, на улице холодно, – ответила я.

– Правда? Когда ты убежала из дома голая, холодно тебе не было!

– Прекрати, – я усмехнулась.

– Скажи еще, что я зануда.

– Зануда, – протянула я и засмеялась.

- Дурочка моя, – Яст остановил меня, обнял и поцеловал.
- Я не сопротивлялась, я хотела, чтобы он поцеловал меня.
- Я люблю тебя! – произнесла я.
- И я тебя люблю! – Яст слегка чмокнул меня в губы.
- И как такому сказать, что я его не люблю!?
- Вот же он дурак!
- Я улыбнулась мыслям.
- Что? – Яст.
- Ничего, – я покачала головой и снова поцеловала его.

5

Мы возвращались домой на машине Грома. Мы с Ястом сидели сзади. Я смотрела всю дорогу в окно, удивляясь, как много поместилось в нашем городе. Сначала мимо пролетали домики холма Благополучия, затем мы проехали реку Холода (она попрощалась со мной легким бликом), небольшая рощица, человеческое старое кладбище (кривые, сломанные кресты, утопающие в болоте), снова роща. Затем показались серые четырехподъездные пятиэтажные дома, наполненные асоциальными семьями.

Наша машина остановилась на светофоре, и я осмотрела автобусную остановку. На ней сидели два человека, и оба вызывали у меня отвращение. Со стянутыми рукавами куртки и с измазанным лицом сидел мальчик, возрастом лет шести. Рядом с ним сидела девушка, или даже женщина, азиатской внешности. На ней была заношенная грязная серая куртка и темные джинсы. Она сидела с недовольным взглядом и смотрела в асфальт из-под тяжелых век. Ее рот был слегка открыт. Она казалась наркоманкой под кайфом. Вдруг я отдернулась от окна, услышав легкий звон.

– Ах эти дети! – прорычал Гром. Взглядом я нашла парня лет пяти, что выглядел точно так же, что и тот на остановке. В руках он сжимал камушки.

– Бросается, мелочь! – согласилась Ли.

– Поздний вечер, почему они не дома? – недовольно протянула я.

– Сироты, – пожала плечами Ли.

Наша машина тронулась с места.

Вскоре появились многоэтажки, населенные оборотнями и людьми. Красивые улицы, аккуратные, которые освещали фонари. Скамеечки вдоль тротуара. Дальше мы проехали через район вампиров, который был застроен шестиподъездными пятиэтажками. Не самый лучший район для прогулок.

Вскоре перед нами показались уже знакомые мне дома, мы ехали так не долго, и вскоре среди деревьев вдали я увидела мрачные розовые стены своей бывшей школы. Спящие голые тополя окружали ее территорию.

Гром повернул на лево, снова налево и мы оказались напротив нашего подъезда.

– С возвращением, – у подъезда нас ждал Юлий.

– Привет, – улыбнулась я.

Я была налегке, как и Ли. Все вещи несли Гром и Яст.

– Как отдохнули? – спросил Юл.

– Нормально, – я пожала плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.